

УДК 9(470) «18»

«СПРАВЕДЛИВОСТЬ ТРЕБУЕТ СПРОСИТЬ САМИХ КРЕСТЬЯН...»: ОПЫТ ДИАЛОГА ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМАТОРОВ С КРЕСТЬЯНАМИ НАКАНУНЕ 1861 ГОДА

О.В. Кочукова

Саратовский государственный университет
E-mail: kochukovasgu@mail.ru

В статье рассматриваются отдельные частные опыты освобождения крестьян, имевшие место накануне 1861 г. в имениях А.В. Головнина, А.Д. Блудовой и К.Д. Кавелина. Исследование показывает сходство восприятия инициаторами реформ реакции со стороны крестьян. В статье выявляется, каким образом стереотипы о крестьянской пассивности, нерациональности и отсталости препятствовали диалогу помещиков-реформаторов с крестьянами. Привлеченные материалы архивных источников позволяют предположить, что поведение крестьян в действительности объяснялось более прагматическим пониманием собственных интересов и наличием завышенных ожиданий в отношении грядущей крестьянской реформы.

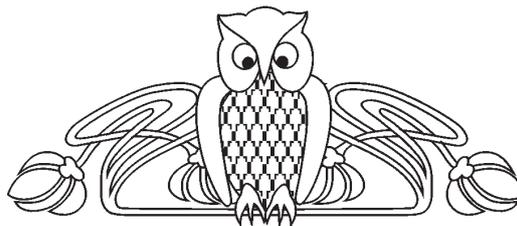
Ключевые слова: освобождение крестьян, либеральные реформаторы, А.В. Головнин, А.Д. Блудова, К.Д. Кавелин.

«Justice Demands to Ask Peasants...»: Experience of Dialogue of Liberal Reformers with Peasants on the Eve of 1861

O.V. Kochukova

In article separate private experience of clearing of the peasants, taking place on the eve of 1861 in A.V. Golovnin, A.D. Bludova and K.D. Kavrlin's manors are considered. Research shows similarity of perception initiators of reforms of reaction from outside peasants. In article comes to light, how stereotypes about country passivity, to irrationality and backwardness interfered with dialogue of landowners-reformers with peasants. The involved materials of archival sources allow to assume that the behaviour of peasants actually spoke more pragmatism of own interests and presence of the overestimated expectations concerning the future country reform. **Key words:** cleaning of peasants, liberal reformers, A.V. Golovnin, A.D. Bludova, K.D. Kavelin.

Отдельные частные опыты освобождения крестьян, имевшие место накануне 1861 г., представляют несомненный интерес для исследователей. По крайней мере, один из них широко известен. Это освобождение крестьян в селе Карловка, принадлежавшем великой княгине Елене Павловне, которая привлекла к разработке проекта Н.А. Милютина и К.Д. Кавелина (1856 г.). Известно и то, что было несколько других, менее громких предварительных экспериментов в области крестьянской реформы. Все они были связаны с активностью общественных деятелей, близких к «либеральным бюрократам». В данной статье речь пойдет о трех опытах освобождения крестьян, состоявшихся в имениях А.В. Головнина, А.Д. Блу-

довой и К.Д. Кавелина. Эти три эксперимента сближали многие общие и конкретные положения, но представляется интересным сконцентрировать внимание на схожести восприятия их инициаторами реакции со стороны крестьян. Установление «контакта» с крестьянами явно входило в задачи проектов, позиция крестьян определенным образом была понята. В связи с этим возникает возможность изучения вопроса о том, в какой степени велась подготовительная работа, направленная на узнавание реформаторами предварительного мнения крестьян о готовящихся переменах?

Принято считать, что в ходе подготовки отмены крепостного права реакция крестьян была учтена в наименьшей степени, так как выяснение их позиций не было целенаправленно организовано. С этим трудно не согласиться, но в принципе многие общественные деятели, и даже бюрократы, спрашивали крестьян. Другое дело, каким образом они слушали их ответы.

В либеральной мысли, с одной стороны, и практике «либеральных бюрократов» – с другой, теоретически признавалась необходимость изучения мнения крестьян. Один из примеров – «Записка об освобождении крестьян», составленная К.Д. Кавелиным (1855 г.). Руководствуясь прочно усвоенным прагматическим подходом, соединенным с либеральным принципом толерантности и идеей примирения крайностей в мнениях во имя достижения общественного единения, Кавелин, по его собственным словам, пытался «живо представить себе, что бы он стал говорить, если б был закоренелый помещик, и чего бы потребовал, и так далее», старался «войти в мысль мужика и правительства»¹. Соображения практичности и применимости как раз и делали насущной задачей апробацию проектов реформы в отдельных имениях. Столкнуться с изучением настроений крестьян было в таком случае просто делом неизбежным. К тому же немаловажную роль играло представление «либеральных бюрократов» о том, что именно в крестьянстве следует видеть прочную социальную опору нового самодержавного государства, и его интересы должны быть непременно учтены в качестве имеющих государственное значение. Обратной стороной этого представления была подозрительность в отношении крепостнически настроенной массы дворянства. Все эти аспекты определяли значимость попыток диалога либеральных реформаторов с крестьянами, но как всегда теория далеко не всегда и не во всем совпадала с практикой.

Прежде чем совершить этот переход «от теории к практике», следует отметить, что с научно-методологической стороны вопрос о восприятии представителями «образованного общества» (реформаторами) «народа», конечно, имеет уже определенные исследовательские традиции. Автор данной статьи не могла избежать определенных параллелей сюжета своего исследования с размышлениями Янни Коцониса, автора книги «Как крестьян делали отсталыми»². Непосредственно тема книги – сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России во второй половине XIX – начале XX века. Для нас важно следующее: исследователь делает акцент на распространенных в образованном обществе «способах мышления о крестьянах» и устанавливает их связь с реальной практикой реформирования деревни. Ведущий мотив в представлении образованного общества, по мнению Я. Коцониса, заключался в восприятии крестьян как пассивного объекта, на который направлены действия реформаторов. «Вопросы, которые задавали современники, – пишет он, – редко касались крестьян, как те понимали себя сами, но в гораздо большей степени относились к проблеме – как определить крестьян, оказать на них воздействие, получить с них причитающееся»³. Я. Коцонис сделал вывод об определяющей роли постулата, о крестьянской пассивности, подопечности и отсталости. Этот постулат сближал представителей разных идейных течений, споры касались того, как именно следует понимать интересы крестьян и кто это делает «правильно»⁴. (Нелишне заметить, что качества пассивности и отсталости традиционно приписывались дискурсивными практиками западной мысли в отношении колониального Востока.)

Я. Коцонис совершенно верно обозначил, по крайней мере, два отрицательных последствия укорененности в сознании образованного общества образа крестьянства как пассивного объекта. Во-первых, предубежденность препятствовала реальному «узнаванию» мнений и убеждений крестьян. Во-вторых, в действительности крестьяне имели свои интересы и преследовали их, используя при этом усвоенный ими язык образованного общества («при случае ... умело эксплуатировали стереотипы отсталости, нищеты и беспомощности»)⁵.

Весьма красноречив один фрагмент из докладной записки о карловских крестьянах, составленной Н.А. Милютиным. Сначала мы встречаем осторожное предположение: «...справедливость требует спросить самих крестьян, какое именно количество земли они желают получить»⁶. Но через несколько строк читаем, что «... можно будет внушить мирским обществам, чтобы они ограничились нынешнее свое требование крайнею надобностью, измерив собственные силы для исполнения предстоящих повинностей». Как видим, установка «спросить» заменяется установкой «внушить», что для автора, скорее, было просто

естественным образом мышления, чем преднамеренной подменой понятий.

Разумеется, ситуация конца XIX в., описанная Я. Коцонисом, во многом отличалась от особенностей восприятия «народа» реформаторами 1850–1860-х гг. В частности, стереотип «отсталости» не относился еще к числу особенно культивируемых в сознании. Напротив, накануне крестьянской реформы были распространены оптимистические ожидания в отношении готовности крестьян к переменам, «народу» реформаторами приписывались в основном позитивные свойства. Характерно утверждение, высказанное в письме калужского губернатора графа Толстого (1858): «Крестьяне, со своей стороны, ведут себя исключительно хорошо и высказывают необыкновенный такт. Спокойствие их невозмутимо... Без удовольствия нельзя смотреть на этот умный и дельный народ!»⁷

Действительный опыт общения с крестьянами в ходе осуществления «экспериментальных» опытов освобождения в отдельных имениях, казалось бы, должен был умерить оптимистический пыл реформаторов. Один из инициаторов «малой» реформы в отдельно взятом имении, известный общественный и государственный деятель А.В. Головин, входивший в круг либеральных бюрократов и бывший лицом, приближенным к великому князю Константину Николаевичу, столкнулся с неожиданной реакцией со стороны крестьян почти в самом начале своего эксперимента. При составлении проекта освобождения крестьян в селе Гулынки Рязанской губернии (1858 г.) он руководствовался исключительно идейными мотивами (свои действия был склонен позиционировать как поступки хорошего бюрократа, жертвующего собственными интересами помещика). Крестьянам были предложены очень выгодные для них условия освобождения. В свойственной ему манере письма от третьего лица А.В. Головин подготовил «Записку», в которой подробно освещались обстоятельства попытки реформы в Гулынках. В самом начале «Записки» автор сообщал: «В июле 1857 года помещик Рязанской губернии, Пронского уезда, села Гулынок приехал в имение свое собственно для того, чтоб освободить крестьян из крепостного состояния, наделив их причем землей и жертвуя почти половиной получаемого с давних лет дохода»⁸.

Механизм подготовки сделки с гулынкскими крестьянами был связан с мирским сходом. На нем выступали сельский священник, бурмистр и сам помещик. Исход дела был совершенно неожиданным для А.В. Головина. Крестьяне благодарили доброго помещика, но на сделку не соглашались. (Странная, в глазах реформатора, картина: крестьяне не желали освобождения из крепостной зависимости.) Мотивация отказа включала самые разнообразные соображения: бедные боялись лишиться пособия от помещика («тогда уж какая ни есть нужда случится, а к барскому анбару и не

ходи»⁹), богатые – того, что впредь им придется нести на себе тяжесть выкупных обязательств за бедных, а все вместе опасались вмешательства правительственных чиновников и притеснений с их стороны («Когда ты от нас совсем отступишься, нас всякий теснить будет, а мы твоею милостью много довольны»¹⁰).

Чем сам А.В. Головнин объяснял неудачу предпринятой им попытки освобождения крестьян? В большей степени нерациональностью крестьян и иными психологическими причинами, к примеру, боязнью перехода «из положения известного в неизвестное». Но есть основания предполагать, что поведение крестьян в действительности объяснялось более прагматичным пониманием собственных интересов и наличием ожиданий в отношении грядущего освобождения, отличавшихся от предложений помещика. А.В. Головнин упоминал в своей «Записке» о том, что зимой 1857 г. в окрестных деревнях пронесся слух, что «все крепостные крестьяне получат в скором времени вольность»¹¹. Но предположение о скрываемых от помещика завышенных ожиданиях в отношении будущей воли не входило в мысли А.В. Головнина. В его восприятии возобладал стереотип о нерациональности, пассивности, нерешительности крестьян. Между тем ряд высказываний гулыньских крестьян можно рассматривать как свидетельства умелой эксплуатации ими же самими образа беспомощной, подопечной помещику массы.

Подготовка Головниным «Записки», по сути, подробного отчета о несостоявшейся реформе в собственном имении, конечно же, имела общественное значение. На первый взгляд может показаться, что рассказывать о сорвавшемся «эмансипаторском» проекте значило расписываться в реформаторском бессилии или даже подавать повод думать, что планы реформаторов плохо соотносятся с народными чаяниями. Но А.В. Головнин сделал как раз противоположный по смыслу вывод, оптимистичный для реформаторов. Текст «Записки» заключается пространным рассуждением о необоснованности опасений о возникновении крестьянских бунтов как возможном следствии открытого перехода к подготовке крестьянской реформы: ведь желание свободы для большинства крестьян не дошло еще до последней степени. Ближайший практический смысл сочинения «Записки» был связан с аргументацией мысли о необходимости разрешения гласного обсуждения крестьянского вопроса в печати как меры, не представляющей никакой социальной опасности¹². Напрашивается вывод о том, что выяснение истинного положения дел в отношении крестьянских настроений отступило на задний план. Главное – манипулирование общественным мнением, поиск способов усиления позиций либеральных бюрократов в противостоянии «крепостническому большинству» и т.п.

Еще более показателен опыт освобождения крестьян, предпринятый в смоленском имении

графини А.Д. Блудовой. В фонде великой княгини Елены Павловны (ГАРФ) хранятся «Записки помещицы смоленской губернии о результатах освобождения ею крестьян по добровольной с нею сделке». По тексту документа можно предположить, что этот опыт относится к 1858–1859 годам. Сделка была одобрена императором в июле 1858 года¹³.

В отличие от гулыньских крестьян Головнина, состоявших на оброке, крестьяне Блудовой были барщинными. В ее случае самой острой была проблема обработки господской земли. А.Д. Блудова проявила завидное упрямство в преследовании теоретического принципа о превосходстве наемного труда. Этот принцип в ее глазах был неизмеримо значительнее результативности и экономической эффективности в конкретном случае. Помещица настаивала на непрременном переходе к обработке господской запашки по найму¹⁴. Скорее всего, и в целом она руководствовалась не мотивами повышения доходности имения, а значимостью ее успехов в деле освобождения как проверки на практике разделявшихся ею идей либеральных реформаторов. Как и Головнин, «смоленская помещица» к диалогу со своими крестьянами приступала с готовой программой. Потому общение не означало «спрашивания» крестьян, а больше напоминало названное Н.А. Милютинным «внушение».

Недоверчивость крестьян к доброжелательным замыслам помещицы обескураживала и, видимо, обижала А.Д. Блудову. После упоминания о добросовестной работе и благонадежном поведении крестьян «смоленская помещица» не могла не заметить, что «к этой лицевой стороне есть изнанка». Переход на выкуп не сопровождался решением проблемы с обработкой господской запашки. Отпущенные графиней вольные крестьяне никак не хотели «поставлять из себя наемных работников»¹⁵. Блудова констатировала «недоверчивость к землевладельцу» и записала слова, произнесенные одним из мужиков «в минуту откровенности»: «Нам покуда хорошо, нечего говорить. Мы за тебя Бога молим, да что-то будет после, когда выйдет положение для всех? Ведь нам и господа иные говорили, что вас, дескать, графиня обманула»¹⁶. Как видим, здесь крестьянская подозрительность в отношении планов помещиков, якобы стремившихся «опередить» в своих корыстных целях грядущую общую реформу («царскую волю»), на которую возлагались особые надежды, выражена совершенно определенно, в отличие от случая с крестьянами Головнина. Причины нежелания становиться вольными в данном случае более понятны. Кроме того, текст «Записки» Блудовой более откровенно предполагает инсинуации со стороны соседних помещиков-крепостников («иные господа»).

А.Д. Блудова предлагала своим крестьянам различные варианты решения вопроса: работа по найму за денежную плату (160 рублей на всю де-

ревню) либо отработочная система за пользование на длительный срок господской землей (60 десятин пахотной земли в уплату за обработку 8 десятин в поле). В любом случае предполагалось заключение сделки с общиной, а не индивидуально с крестьянами¹⁷. Крестьяне не приняли таких условий и совершенно неожиданно предложили обработать землю «просто так». Фактически это означало уход от обсуждения условий работы по найму. Оставить ситуацию с обработкой господской запашки без изменений было крайне нежелательным для А.Д. Блудовой, нацеленной на эксперимент с наемным трудом. Чем аргументировали крестьяне неожиданный порыв альтруизма с их стороны (предпочтение обработать землю помещицы «просто так», а не за вознаграждение)? Они говорили о желании облегчить совесть (стыдно брать деньги с барыни, у которой «и леску своровывают, и сенцо прибирают»). Ссылались на отсутствие опыта заключения подобного рода сделок и вообще работы по найму¹⁸. Как и А.В. Головнин, А.Д. Блудова видела в рассуждениях и поведении крестьян проявления нерациональности и психологическую боязнь перехода из известного состояния в неизвестное. Но, видимо, аргумент, который был значимым в глазах самих крестьян, а не только предназначался для ушей барыни, заключался в утверждении: «лучше никакой бумаги не подписывать»¹⁹. Иначе говоря, не связывать себя излишними обязательствами до объявления «царской воли». Следовательно, крестьяне имели представления о своих интересах, осознавали противоречие с интересами помещицы, но предпочитали их маскировать под стереотипы «отсталости и подопечности», одинаково прочно внедренные в сознании участников непростого диалога.

В целом ситуация в имении Блудовой оказалась намного более острой, чем у Головнина, и грозила выйти из-под контроля. Казалось, что крестьяне уже на грани бунта. Настойчивость помещицы спровоцировала грубость в разговоре со стороны крестьян. Один из мужиков вполне четко высказал скрытые желания и претензии остальных. А.Д. Блудова записала: он «окончил предложением продать их деревне мою землю за 300 рублей (100 десятин пашни) и остаться при моем саде и хуторе, которые мне только и нужны, а им нужно мое поле»²⁰. Ситуация приобретала характер, опасный для реформаторских сил: события в имении Блудовой стали вызывать негодование соседних помещиков.

В конце концов, управляющий был вынужден привлечь к обработке господской запашки крепостных из имения отца А.Д. Блудовой. Это вызвало горестное признание с ее стороны: «Мне было грустно и неловко, что, отпустив на волю своих крестьян, я пользовалась безвозмездно трудом крепостных, чужих!»²¹ На следующий год работа по найму все-таки была организована: но крестьян подбирали уже индивидуально и из разных поместий, договориться с общиной

в целом так и не удалось. Интересно описание первой пахоты наемных работников, в которой принимала личное участие сама барыня. «Этот первый вольный труд, – писала она, – был также дружен и весел, как последний барщинный перед освобождением»²².

Поскольку составление подробного описания личного реформаторского эксперимента имело, в глазах А.Д. Блудовой (как и А.В. Головнина), общественно-политическое значение, то завершался текст «Записок смоленской помещицы» выводами, выходящими на общую обстановку в связи с подготовкой крестьянской реформы. Блудова выступала с призывом ускорить подготовку реформы (скорее «развязать с крестьянами» помещиков»). «Все ждут уже с нетерпением обнародования общего положения и не охотно соглашаются на сделки. Откладывать это дело становится ежедневно опаснее; народ ждет спокойно, то есть мирно, но с возрастающим нетерпением, между тем как мелкие помещики ждут с беспокойством и раздражением; они становятся ежедневно враждебнее к крестьянам, которые чувствуют это, теряют к ним бывшую патриархальную привязанность и удержаны от вражды каким-то неясным сознанием своего преимущества, которое можно бы выразить словами: “На нашей улице праздник”»²³. Так, в конечном счете, неудачи и трудности в реформаторских инициативах связывались с влиянием на крестьян крепостнически настроенных соседних помещиков. Именно их позиции и настроения казались реформаторам главной проблемой, а не восприятие реформы самими крестьянами. Возобладал стереотип крестьянской пассивности. Крестьяне, оставаясь в сознании реформаторов объектом их направленных действий, не были в полной мере «услышаны».

В 1857–1858 гг. реформаторы впервые столкнулись с сопротивлением крестьян не только «неволе», но и планам их освобождения. Конечно же, осознавать такую реакцию со стороны крестьян было непросто. Один из откликов на события, происходившие в смоленском имении А.Д. Блудовой, встречаем в письме К.Д. Кавелина к А.Ф. Тютчевой, фрейлине императрицы Марии Александровны. В этом письме Кавелин рассказывал о случае в имении графини Блудовой: «Вы сами и очень многие знают, с каким самоотвержением графиня Блудова принялась за освобождение своих смоленских крестьян. И что же? Благонамеренные и великодушные усилия ее чуть-чуть не окончились ничем, вследствие упорного сопротивления крестьян стать вольными. Подобных случаев было несколько, даже более резких. Как и надо было ожидать, случаи эти подали повод к бесчисленным рассуждениям, из которых будто бы следует как дважды два четыре, что освобождение крестьян совсем не есть потребность народная, а вымысел людей, не знающих России, что эта мера преждевременная и последствия поэтому будут самые губительные»²⁴.

Вообще говоря, бунты, о которых писал Кавелин, были фактором, не содействовавшим приближению отмены крепостного права, а наоборот, отвращавшим правительство и дворян от идеи реформы. Поэтому было важно опровергнуть напрашивающийся вывод о преждевременности реформы. В качестве опровергающего аргумента был приведен собственный опыт. Кавелин рассказал о стремлении своих крестьян к свободе, утверждая, что они были накануне бунта, но как раз переход к обсуждению условий возможного освобождения успокоил крестьян, и они стали работать усерднее, чем когда-либо²⁵.

Действительно, автор «Записки об освобождении крестьян» имел возможность проверить свои взгляды на практике. Проверка воззрений К.Д. Кавелина состоялась в его собственном имении. Сохранившиеся в архиве документы, отразившие его попытки изменить порядки в с. Константиновка Самарской губернии, также имеют значение для выяснения того, как происходило столкновение общественных доктрин с социальной реальностью и как это столкновение вскрывало моменты их утопизма.

Уже в начале 1857 г. стали распространяться разговоры о намерении Кавелина освободить своих крестьян²⁶. В самом деле, к этому времени Константин Дмитриевич предпринял определенные предварительные шаги, целью которых было изучить настроения крестьян и попытаться найти приемлемый вариант решения практических вопросов, связанных с их грядущим освобождением. Кавелин приказывал своему управляющему переговорить с крестьянами ввиду того, что надеялся на заключение «условий», которые будет позволено представить правительству. Помещик с. Константиновка перечислял свои условия крестьянам, среди которых оговаривались цена земли за десятину (она должна была быть не меньше предлагавшейся посторонним покупателем), сроки уплаты выкупных платежей, условия работы до полного выкупа²⁷. Таким образом, Кавелин показал себя расчетливым помещиком, далеким от абстрактных альтруистических побуждений. Впрочем, это никак не противоречило его взглядам, отраженным в программных работах теоретического характера. Забота о социальной справедливости в системе взглядов Кавелина сочеталась с прагматизмом и защитой эффективности экономики, а настаивание на необходимости выкупа отражало интересы помещиков как частных собственников. Очевидно, Кавелин полагал, что можно и нужно совместить интересы двух сторон, прийти к согласию и компромиссу на основе взаимного уважения интересов. Поэтому весьма важной представлялась своевременная идеологическая подготовка крестьян, разъяснение им сущности и задач предстоящих преобразований. Следует сказать, что привлечение крестьян к предварительной стадии подготовки реформы (хотя бы на уровне пропаганды и разъяснения), действительно, могло быть полезным. Кавелин

просил управляющего «подробно переговорить с крестьянами, сперва с умнейшими, а потом и с прочими»²⁸.

Но Кавелин еще не осознавал всех предстоящих трудностей, не усматривая утопизма в своих примирительских планах. Согласовывался ли план выкупа с представлениями крестьян об их праве на землю, о сущности понятия «воля»?

В заключении уже упоминавшегося письма к А.Ф. Тютчевой Кавелин вопрошал: «Не правда ли, это весьма замечательно? Посмотрите: я помещик добрый, оберегаю крестьян, забочусь об них, – а между тем, как они сильно желают свободы! Где же дикари, готовые взбунтоваться при первом слове о вольности, представляющие себе свободу в виде привилегии никому ничего не платить?»²⁹. Однако другие документы свидетельствуют о том, что автор письма фрейлине императрицы не был вполне искренним и намеренно скрывал правду. Его предварительные шаги в собственном имении оказались не совсем удачными. Случилось неизбежное – менталитет крестьян не «укладывался» в созданную Кавелиным схему, а материальные интересы двух сторон приходили в столкновение. 14 февраля 1858 г. Кавелин написал приказ крестьянам с. Константиновка, в котором, между прочим, констатировал: «...вы ко мне в этот последний год не так были хороши, как прежде, и за это вас похвалить мне нечем. У вас были неповиновения и смуты, и воровства, так что надобно было в стан посылать вас наказывать... Говорите: барин нас на волю хочет выпустить, так мы хотим, чтобы не было вовсе управляющего в деревне. А теперь, видите, что этим не берет, добиваетесь, чтоб на оброк я вас выпустил, и обещаете 30 рублей с тягла... Вы думаете, я не понимаю, что если мне вас на оброк выпустить, так мне с своей землей нечего делать будет?»³⁰.

Но Кавелин не сделал из неудачного первого опыта радикальных выводов, не отказался от идеи компромисса интересов крестьян и помещиков. Возможно, следует признать, что этот опыт оказал значительное воздействие на дальнейшее становление взглядов Кавелина, убедив его в необходимости проявлять гораздо большее внимание к материальным потребностям крестьян и делать больше уступок, жертвуя порой интересами помещиков.

Вообще же нестандартную реакцию со стороны крестьян автор программных статей и записок по крестьянскому вопросу не считал настолько опасным явлением, как реакцию со стороны помещиков. Во второй половине 1850-х гг. важнейшей политической задачей либеральные реформаторы считали создание такого механизма преобразований, который оказался бы действенным в борьбе с крепостническим дворянским большинством. Подобное восприятие ситуации оказало влияние на тот диалог либеральных реформаторов с крестьянами, который имел место накануне 1861 г., но не стал результативным и эффективным в плане разработки конкретных оснований крестьянской реформы.

Примечания

- ¹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды Погодина. Т. XIV. СПб., 1900. С. 214 (письмо К.Д. Кавелина к Погодину 17.03.1856).
- ² См.: Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914 / авторизованный пер. с англ. В. Макарова. М., 2006.
- ³ Там же. С. 24.
- ⁴ Там же. С. 13–17.
- ⁵ Там же. С. 22–23.
- ⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 647. Оп. 1. Д. 995. Дополнительная записка о наделе карловских крестьян землею (составлена Н.А. Милютиним). Л. 35.
- ⁷ Там же. Д. 113. Выписка из письма калужского губернатора графа Толстого о настроениях дворянства и крестьян ввиду слухов о предстоящей реформе. 23 февраля 1858 г. Л. 2–2 об.
- ⁸ Там же. Д. 162. Записка неустановленного автора о нежелании части крестьян освобождения от крепостной зависимости... Л. 1. Записка опубликована и авторство А.В. Головнина установлено. См.: «Необходимо торопиться с освобождением крестьян». Записки А.В. Головнина. 1848–1860 // Исторический архив. 1995. № 4. С. 153–160; Стаферова Е.Л. А.В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860-х гг.) М., 2007. С. 63–64.
- ⁹ Там же. Л. 5 об.

- ¹⁰ ГАРФ. Л. 2 об.
- ¹¹ Там же. Л. 5.
- ¹² Там же. Л. 4 об.–5.
- ¹³ Там же. Д. 99. Записки помещицы смоленской губернии о результатах освобождения ею крестьян по добровольным с нею сделкам.
- ¹⁴ Там же. Л. 3 об.–4.
- ¹⁵ Там же. Л. 3 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 4.
- ¹⁷ Там же. Л. 11.
- ¹⁸ Там же. Л. 12.
- ¹⁹ Там же. Л. 12 об.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. Л. 13.
- ²² Там же. Л. 19–19 об.
- ²³ Там же. Л. 21 об.–22.
- ²⁴ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОР РГБ). Ф. 548. Карт. 4. Д. 28. Письмо Кавелина к А.Ф. Тютчевой 1857 г. Л. 1–1 об.
- ²⁵ Там же. Л. 2–3.
- ²⁶ Там же. Карт. 5. Д. 8. Письмо К.К. Грота Кавелину 1857 г. Л. 1–1 об.
- ²⁷ Там же. Карт. 4. Д. 29. Письмо Кавелина управляющему с. Константиновка 17 сент. 1857 г. Л. 18, 18 об.–20 об.
- ²⁸ Там же. Л. 20 об.
- ²⁹ Там же. Д. 28. Письмо Кавелина к Тютчевой... Л. 3 об.
- ³⁰ Там же. Д. 29. Приказ Кавелина крестьянам с. Константиновка Самарской губ., 14 февр. 1858 г. Л. 26 об.–27.

УДК 947+070

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЕЛИКОЙ РЕФОРМЫ В РОССИЙСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА (на примере печатных изданий Пензенской области)

С.В. Шпаковская

Пензенский государственный университет
E-mail: nightpenza@mail.ru

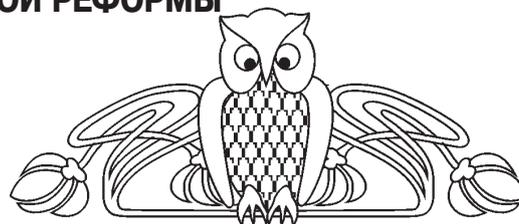
В статье рассматривается несоответствие между возможностями государственного контроля за региональными СМИ на момент проведения реформы 1861 г. и их практической реализацией по обеспечению ее эффективного осуществления на местах.

Ключевые слова: губернская пресса, «информационные войны», частные газеты и журналы, слухи, реформа, манифест 19 февраля 1861 года.

Information Support of «Great Reform» in Russian Provincial Publishing in the Middle of the 19th Century (Regional Newspapers of Penza Region are Taken as a Subject of the Research)

S.V. Shpakovskaya

I show the discrepancy between the perspectives and actual functioning of the state regional papers. The peculiarities of the development

of Russian provincial publishing during the reforms of 1861 are discussed in the article.

Key words: regional newspapers, «information war», private newspapers and magazines, rumors, reform, Emancipation Proclamation.

Как известно, многомиллионная крестьянская масса России встретила Великие реформы 1861 г. взрывом негодования, причем «минута разочарования», которую предвидел Александр II, не только не стала кратковременным явлением, а напротив – растянулась на годы.

Даже само чтение Манифеста, судя по многочисленным документам означенного периода, сопровождалось беспорядками, из-за которых уполномоченные заниматься этим приставы были даже вынуждены от него отказываться¹.

Впрочем, не только крестьяне, но даже и священнослужители той же Пензенской губернии позволяли себе высказываться о реформе явно